

УДК 321(091)(470+571)``19``;34(091)(470+571)``19``

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-1-111-118

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Рябченко О.Н.

Институт права, социального управления и безопасности

Удмуртского государственного университета

426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4,

Российская Федерация

Аннотация. Исследован вопрос о понимании и видах преступлений против порядка управления в русском праве середины XIX столетия, анализируются положения Свода законов Российской империи 1832 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., обсуждается правовая природа этих преступлений и её оценка в научной литературе. Установлено, что модернизации системы преступлений против порядка управления способствовало увеличение общего числа нормативных актов и циркуляров, регламентирующих поведение граждан и уголовно-политическое занижение «порога криминализации» общественно опасных деяний, что было связано со стремлением власти упредить угрозой наказания малейшее посягательство на её авторитет.

Ключевые слова: систематизация права, преступления против порядка управления, классификация преступлений, история уголовного права, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST PUBLIC ORDER UNDER THE RUSSIAN MID-19TH CENTURY LEGISLATION

O. Riabchenko

Institute of Law, Social Management and Security Udmurt State University

1, bldg. 4 Universitetskaya st., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation

Abstract. The article examines the problem of comprehension and types of crimes against public order in the Russian legislation in the middle of the 19th century. The author analyzes the provisions of the Laws of the Russian Empire in 1832 and the Penal Code of 1845, discusses the legal nature of these crimes and their evaluation in scientific literature. It has been revealed that the increasing number of crimes against public order in the mid-19th century was triggered by “lowering the threshold of crime” in standard acts and regulations as a result of the authorities striving to prevent the slightest anti-government offences.

Key words: systematization of law, crimes against public order, the history of criminal law, the Penal Code.

Сложнейший этап систематизации и кодификации российского законодательства, в том числе и уголовного, привёл в конечном итоге к созданию Полного собрания законов Российской империи и свода законов Российской империи. Если в Собрании законов, как известно, были сведены в хронологическом порядке все когда-либо принятые в стране нормативные акты, начиная с 1649 г., то Свод являл собой систематизированный по тематическому (отраслевому) принципу документ, содержащий исключительно действовавшие правовые акты. Том XV свода был посвящён законам уголовным.

Как верно отмечается в литературе, Свод законов уголовных 1832 г. консолидировал уголовное законодательство России и стал действующим источником уголовно-правовых норм. «Он впервые в истории страны представил для правоприменительных органов государства (суда, следствия, полиции) источник действующего уголовного права, который имел достаточно чёткую и продуманную систему, построенную на теоретической и практической основе» [1, с. 9–10]. Специфика свода, тем не менее, состояла в том, что он был основан на положениях Полога Собрания законов и в содержательном отношении отражал лишь те нормативные предписания, которые уже были известны к моменту его составления; Свод не включал в себя новых правовых норм. Его основная заслуга, таким образом, видится в упорядочении и систематизации правовой материи. Том XV свода законов подвёл определённую черту предшествующему этапу развития русского уголовного законодательства

и во многом определил ориентиры его дальнейшей эволюции. Впервые осуществив институционализацию правовых норм, он объединил их в главы и разделы, определяя при этом принадлежность, значение норм и объекты уголовно-правовой охраны.

Что касается институционализации норм об ответственности за преступления против порядка управления, то Свод впервые в истории русского права обособил в Особенной части Раздел IV «О преступлениях против правительства», включив в него деяния, рубрицированные в шесть глав: «О наказаниях за поношение присутственных мест и должностных лиц» (гл. 1), «О наказаниях за препятствование в обнародовании законов» (гл. 2), «О наказаниях за сочинение и распространение подложных указов, за распространение вредных слухов, за пасквили и подметные письма» (гл. 3), «О наказаниях за непослушание и сопротивление властям законным» (гл. 4), «О запрещённых сходбищах и незаконных и тайных сообществах» (гл. 5), «Об оставлении отечества и преслушании вызова, Правительством учинённого» (гл. 6).

Такая структурная композиция закона позволила составителям свода отграничить преступления против управления от многих иных посягательств, так или иначе причиняющих вред государству: от посягательств на безопасность империи, преступлений должностных лиц, преступлений против нарушений монополии государства на производство отдельных видов деятельности, преступлений против правосудия. В группе посягательств «против правительства», таким образом, сосредотачивались так называемые

мые «общие составы» преступлений, причиняющие вред самим основам системы государственного администрирования: авторитет органов власти, официальный документооборот, иерархия и подчинение. Однако общий список преступлений против порядка управления ими не исчерпывался. Иные посягательства, также причиняющие вред порядку администрирования (например, фальшивомонетничество, подделка печатей и штампов) были отнесены законодателем к иным разделам Свода в соответствии с имевшимися представлениями об основном объекте и направленности преступлений.

Надо отметить, что вопрос об отнесении тех или иных преступлений к группе посягательств именно против порядка управления и был, и остаётся одним из неоднозначных и дискуссионных. Представители уголовно-правовой науки XIX столетия не могли выработать универсального подхода к решению этого вопроса.

Так, Ф. Лист писал, что основной массив преступлений против государственного управления – порождение нового и даже новейшего времени. К ним он относил должностные преступления, лжесвидетельства, преступления против правосудия, преступления против военного могущества, против постановлений о печати и обществах, против постановлений, ограждающих народное благосостояние, торговый оборот, против финансового строя и воинские преступления. Одновременно с этим такие деликты, как сопротивление государственной власти, насилие над чиновниками, неуважение к государственной власти, присвоение власти, повреждение официальных

объявлений, эмблем власти, автор причислял к преступлениям против государственной власти, различая тем самым власть и её представителей, с одной стороны, и управление – с другой [4, с. 297–300].

Аналогичными можно признать рассуждения А.Ф. Бернера. Он писал: «Государство есть лицо, которое, подобно физическому лицу, мыслит, желает, действует. Из знания, которое происходит от мышления, должна происходить воля; деяние же должно быть исполнением воли, соответствующей знанию» [2, с. 215–217]. Ассоциируя со знанием действие законодательной власти, с волей (желанием) – действия главы государства, а с исполнением (управлением) – действия правительства и органов исполнительной власти, он классифицировал и преступные посягательства: на государство как целое и на отдельные его элементы, в том числе в качестве специальной группы, выделял преступления против ветви управления, то есть, в его трактовке, против финансов, полиции, отправления правосудия и военных сил.

Ф. Лист и А. Бернер, таким образом, были склонны усматривать в преступлениях против порядка управления самый широкий круг деяний, которые нарушают полномочия отдельных органов управления государством в самых разнообразных сферах общественной жизни. При таком подходе практически любое преступление, состоящее в нарушении предписанных государством правил, можно было относить к числу преступлений против порядка управления.

Свод законов 1832 г, как было показано, воплотил иной подход, более ограничительный. В русской науке он

был озвучен В.С. Познышевым. Автор писал: «Рядом с государственными преступлениями должна быть поставлена группа преступлений против порядка управления. Если первые посягают, так сказать, на верховное управление государством, вторые – направлены против управления подчинённого, против подчинённых властей в государстве. <...> Возлагая на органы управления те или иные функции, государство должно обеспечить и возможность исполнения их, между прочим оно должно защитить свои органы от насильственных посягательств на них граждан и обеспечить им необходимый внешний авторитет. Иначе служебная деятельность должностных лиц стала бы положительно немислимой» [6, с. 427].

Здесь, как видим, основным объектом преступлений против порядка управления признаётся не сама управленческая деятельность, содержание которой многообразно и всесторонне, а «возможность исполнения» органами управления своих разнообразных функций. У Ф. Листа, как было отмечено, эти посягательства против условий нормальной управленческой деятельности были позиционированы как преступления против власти, что не вполне точно, ибо сама власть в данном случае не страдает, вред причиняется именно организационным предпосылкам осуществления власти. Таковые предпосылки или возможности не зависят от содержания выполняемых управленческих действий и сферы администрирования, что позволяет определить несколько исходных, общих составов, направленных к подрыву нормальной управленческой деятельности, тогда

как действия, связанные с нарушением собственно «отраслевых предписаний», позиционировать как нарушающие иные объекты охраны.

Российское право в середине XIX столетия развивалось именно по этому пути. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 г. и составившее основной источник отрасли уголовного права вплоть до революционных событий 1917 г., следуя логике тома XV Свода законов, чётко различало преступления против порядка управления «в узком смысле» и иные посягательства, связанные с нарушением установленных в государстве правил.

Особенная часть Уложения 1845 г. (разделы II–XI) определяла систему преступлений, следуя без малого двухсотлетней традиции: на первом месте находились преступления против веры (разд. II), на втором – государственные (разд. III), на третьем – против порядка управления (разд. IV), на четвёртом – должностные преступления (разд. V) и т.д.

Интересующие нас преступные посягательства были описаны в разделе IV, который так и именовался «О преступлениях и проступках против порядка управления». Раздел включал в себя несколько глав:

– Глава 1 «О сопротивлении распоряжению правительства и неповиновении установленным от него властям» предусматривала ответственность за вооружённое или невооружённое восстание с намерением воспрепятствовать обнаружению или исполнению законов, постановлений и распоряжений (к восстанию приравнивалось выступление крестьян или дворовых людей против помещиков и владельцев);

сопротивление исполнению судебных определений; сопротивление властям с угрозами или насилием в отношении чиновника; неисполнение или уклонение от исполнения законно возложенных повинностей и обязанностей; публичные призывы к противодействию и неповиновению властям; отказ от дачи свидетельских показаний; неисполнение требований полиции по охране порядка; самоуправство с применением насилия;

– Глава 2 «О оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности» преследовала такие деликты, как умышленное или небрежное повреждение или искажение указов, присланных для обнародования, «гербов или надписей»; надругательство над памятниками; срывание или уничтожение полицейских объявлений; составление и обнародование сочинений, оскорбительных для правительственных властей и начальства разного уровня; составление и распространение сочинение «с недозволенными суждениями о действиях правительства»; проявление неуважения к присутственным местам и «камерам»; подача апелляции или жалобы на окончательно решённое дело; оскорбление и побои в отношении чиновника в связи с исполняемыми им обязанностями; оскорбление частных лиц, присутствующих в государственном учреждении;

– Глава 3 «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг» устанавливала наказания за присвоение, в том числе путём обмана или подлога, власти в целях совершения

«безвредных» действий или преступлений; составление подложных или исправление действительных указов или иных правовых документов (ответственность дифференцировалась в зависимости от уровня документа и издавшего его органа, а равно в зависимости от наличия цели совершения преступления); подделку, использование или изготовление поддельных печатей и штампов; самовольное объявление какого-либо всенародного известия;

– Глава 4 «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков» карала такие деяния, как похищение и уничтожение документов, подтверждающих права или признаки правонарушения, в том числе с целью скрыть преступление или облегчить его совершение; срывание или повреждение печатей или иных официальных знаков; уничтожение или повреждение межевых знаков, обозначающих пределы государства или его внутренних частей;

– Глава 5 «О взломе тюрем, уходе и побеге содержащихся под стражей или надзором» устанавливала наказания за взлом тюрем; побег заключённых из-под стражи или из места заключения (ответственность при этом дифференцировалась в зависимости от того, было ли применено насилие и было ли совершено при этом какое-либо иное преступление); незаконное возвращение высланных на основании приговора из страны в пределы империи; удаление с места жительства лиц, состоящих под надзором полиции; воспрепятствование поимке преступника и укрывательство;

– Глава 6 «О тайных обществах и запрещённых сходбищах» формулировала такие составы, как организация или участие в обществе, «имеющем вредную для спокойствия или целостности государства, или противную установленным законами и порядку правления цель», а также в обществе, которое, хотя и не имеет такой цели, но стремится непредписанными действиями произвести перемены в образе правления, а равно обществе, хотя и не имеющем такой цели, но запрещённом правительством; предоставление помещений для таких сообществ; организация незапрещённого общества, но без разрешения¹;

– Глава 7 «О недозволенном оставлении Отечества» преследовала преступление на иностранную службу без дозволения; пребывание за границей свыше положенного срока и отказ возвратиться из-за границы; подстрекательство иных лиц к переселению за границу.

Иные преступления, ранее признаваемые посягательствами на порядок управления, были описаны в других частях Уложения. Так, состав фальшивомонетничества был помещён в раздел о преступлениях против иму-

щества и доходов казны, состав лжеприсяги – в раздел о преступлениях против веры². Особое место в системе закона занимала подделка документов, которая, не будучи сведена в единый состав преступления, представлена в Уложении во множестве своих проявлений, в зависимости от того, какой именно документ (официальный или частный) и какого именно содержания подделывается [5, с. 195 и сл.]. Учитывая, что подделка документа воспринималась по большей части как средство посягательства на тот или иной объект, преступления подделки были рассредоточены в разных главах кодекса.

Столь детальное описание раздела о преступлениях против порядка управления было призвано показать, во-первых, реальное изменение объёма нормативных предписаний о преступлениях против порядка управления; во-вторых, собственно круг деяний, которые в представлении законодателя, подрывали общие основы системы управления в стране; в-третьих, место этих посягательств в общем массиве криминальных деликтов, которые признавались более значимыми, нежели должностные преступления; в-четвертых, казуистичность уголовного закона и слабое различие им правонарушений по степени опасности. В отечественной литературе справедливо отмечается,

¹ В российской науке отнесение этой группы деликтов к преступлениям против порядка управления не всеми признавалось обоснованным. В частности, П.Д. Калмыков видел в преступлениях, связанных с функционированием тайных обществ, посягательства на «целость и самобытность государства». «Предметом этих преступлений, – писал автор, – есть обязанность каждого соблюдать спокойствие в целом государстве, образ и порядок правления, и ничего не предпринимать для нарушения его». Аналогичные оценки Калмыков высказывал и в отношении преступлений, связанных с недозволенным оставлением Отечества. [3, с. 498, 504, 505].

² С.В. Познышев обосновывал мысль о том, что истинным объектом фальшивомонетничества выступают не доходы казны и не собственность отдельных лиц, а «прочность и правильность экономического оборота государства – подлинность обращающихся в общежитии денежных ценностей»; объектом же лжеприсяги, по его мнению, следует признавать интересы правосудия. [6, с. 497, 457].

что «значительное расширение числа составов преступлений против различных представителей административно-полицейского аппарата было связано и с ростом бюрократического аппарата России и усилением его влияния, его значимости» [7, с. 180]. Добавим к этому, что росту числа составов способствовало одновременно увеличение общего числа нормативных актов и циркуляров, предписывавших, устанавливающих, регламентирующих и т.д. поведение граждан едва ли не во

всех возможных сферах деятельности, и уголовно-политическое занижение «порога криминализации» общественно опасных деяний, что было связано с общей неуверенностью власти в собственной безопасности, со стремлением упредить угрозой уголовного наказания малейшее посягательство на ее авторитет, особенно в связи начавшимся ростом активности рабочего движения и революционных настроений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андрусенко О.В. Систематизация уголовного законодательства Российской империи (первая половина XIX века): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 22 с.
2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Т. 2. Часть Особенная. СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. 364 с.
3. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Особенная. СПб.: Тип. об-ва «Общественная польза», 1866. 535 с.
4. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1905. 409 с.
5. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 4. Сокрытие истины; сокрытие своей личности; лжеприсяга и лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. 584 с.
6. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М.: Тип. А.М. Саблина, 1909. 500 с.
7. Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1994. 316 с.

REFERENCES:

1. Andrusenko O.V. Sistematizatsiya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii (pervaya polovina XIX veka): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Systematization of Criminal Legislation of the Russian Empire (first half of the 19th century): PhD thesis in Law]. Ekaterinburg, 2000. 22 p.
2. Berner A.F. Uchebnik ugovolnogo prava. Chasti Obshchaya i Osobennaya. T. 2. CHast' Osobennaya [Textbook of Criminal Law. Parts General and Special. Vol. 2. The Special Part]. SPb., Izd. N. Neklyudova, 1867. 364 p.
3. Kalmykov P.D. Uchebnik ugovolnogo prava. CHast' Osobennaya [Textbook of Criminal Law. The Special Part]. St.Pb., Tip. ob-va «Obshchestvennaya pol'za», 1866. 535 p.
4. List F. Uchebnik ugovolnogo prava. Osobennaya chast' [Textbook of Criminal Law. Special part]. M., Tip. A.I. Mamontova, 1905. 409 p.
5. Neklyudov N.A. Rukovodstvo k osobennoi chasti russkogo ugovolnogo prava. T. 4. Sokrytie istiny; sokrytie svoei lichnosti; lzheprisysaga i lzhesvidetel'stvo; lozhnyi donos i yabeda; podlog

- i poddelka [A guide to the Special Part of Russian Criminal Law. Vol. 4. The Concealment of the Truth; Hiding their Identity; Perjury and Perjury; False Reporting and the Informer; Forgery and Fake]. St.Pb., Tip. M.M. Stasyulevicha, 1880. 584 p.
6. Poznyshhev S.V. Osobennaya chast' russkogo ugolovnogo prava. Sravnitel'nyi ocherk vazhneishikh otdelov osobennoi chasti starogo i novogo Ulozhenii [The Special Part of the Russian Criminal Law. Comparative Essay of the Most Important Departments of the Special part of the Old and New Regulations]. M., Tip. A.M. Sablina, 1909. 500 p.
7. Razvitie russkogo prava v pervoi polovine XIX veka [The Development of the Russian Law in the first half of the 19th century]. M., Nauka, 1994. 316 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябченко Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент Институт права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oxana N. Riabchenko – Institute of Law, Social Management and Security of Udmurt State University

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Рябченко О.Н. Система преступлений против порядка управления по российскому законодательству середины XIX столетия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 1. С. 111–118.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-1-111-118

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Riabchenko O. The System of Crimes against Public Order under the Russian Mid-19th Century Legislation //the Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2016. no. 1. pp. 111–118.

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-1-111-118